

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письмо IV: Бенгальское море, 14 сентября 1890 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 1. С. 85–95 (2-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

(Письма японскаго миссионера).

ПИСЬМО IV.

14 Сентября. Бенгальское море.

Въ воскресенье, 9-го числа, сквозь сонъ я услыхалъ около себя необычайное оживленіе и голоса, которые потомъ призналъ за голоса моихъ товарищей по каютѣ: ротмистра и доктора. Одно магическое слово: „Приѣхали“ заставило меня соскочить съ койки и поскорѣе одѣться. Наскоро умывшись, я выбѣжалъ на палубу.

Моимъ глазамъ представилась картина много разъ виданная въ иллюстрированныхъ журналахъ. Коломбо было еще далеко: мы стояли за моломъ у входа въ гавань, ожидая лоцмана. Вдали на плоскомъ низменномъ берегу всюду виднѣлся пальмовый лѣсъ, и почти ничего кромѣ него, все оное покрывалъ собою. Самый же городъ представлялся ничтожной кучкой домовъ, совсѣмъ затерявшихся и ступешавшихся среди зелени. Были тамъ церкви, многоэтажные дома, но главный тонъ составляли не они, а пальмы, зелень.

Чрезъ четверть часа насъ ввели въ рейдъ. Здѣсь мы пережили обычную сцену при входѣ въ портъ. Пароходъ нашъ спустилъ трапы и моментально окруженъ былъ лодками съ товарами и безъ товаровъ. На этотъ разъ было все новое, невиданное, оригинальное до тропической степени.

Оригинальны прежде всего здѣшнія лодки. Это что-то въ родѣ нашей колоды для корма скота. Берется бревно или плаха, на нее набиваются борта, получается довольно длинный, узкій ящикъ. Въ немъ нѣсколько скамеекъ, очень

тѣсныхъ, можно сѣсть только одному, да и то сжавъ ноги. Все ваше туловище съ ногами находится надъ поверхностью воды. Лодка неминуемо должна перевернуться. Чтобы избѣжать этого, къ лодкѣ, параллельно ей, на длинныхъ, толстыхъ шестахъ прикрѣпляется другое бревно, уже безъ бортовъ. Получается, такимъ образомъ, трапеція, лежащая на водѣ. Одна изъ ея длинныхъ сторонъ занимаетъ лодкой, а другая помянутымъ бревномъ. Садятся въ такую лодку человѣка два, три, иногда и четыре (не считая трехъ гребцовъ). Иногда поднимается и парусъ. Такая лодка можетъ идти очень быстро.

Сами торговцы тоже заслуживали полнаго вниманія. Большинство ихъ были сингалезцы торговаго класса, одежда которыхъ представляла замѣчательную смѣсь европейскаго съ южно-индѣйскимъ и африканскимъ. Къ обыкновенной юбкѣ (точнѣе, куску матеріи, широкому и длинному, который обернуть былъ около ихъ туловища, отъ пояса до пятъ) эти господа прибавили куртку изъ темно-синей матеріи. На головѣ у магометанъ надѣта высокая шапочка изъ какой-то разноцвѣтной соломы или тростника, выплетенная узорами. Истые же сингалезцы носятъ длинные волосы, которые завязываются на затылкѣ узломъ и украшаются обыкновенной черепаховой гребенкой, какую носятъ у насъ женщины. Голова, не смотря на палящіе лучи солнца, остается открытою.

Низшій классъ стоитъ ближе къ природѣ. Его одеждою служитъ только кусокъ матеріи, обернутый во кругъ туловища въ видѣ юбки. Нѣкоторые же довольствуются однимъ поясомъ. Остальное тѣло предоставлено солнцу, голова тоже открыта. Нѣтъ у нѣкоторыхъ и гребенки, и волосы собранные въ пучекъ на затылкѣ, отъ времени распустились и развѣваются точно султанъ.

Цвѣтъ кожи темно-оливковый. Впрочемъ, черты лица очень правильныя, почти красивыя. Мущины вообще красивѣе женщинъ. Дѣти сильно напоминаютъ нашихъ цыганятей.

Торговцевъ пустили на палубу, которую они мгновенно превратили въ восточный рынокъ. Чего только тутъ не было? Одинъ предлагалъ модель только что описанной индѣйской лодки. Другой савалъ въ руки трость изъ чернаго дерева (увы, въ большинствѣ случаевъ подкрашеннаго) или

кокосовой пальмы. Третій носился со всевозможными ящичками и пакатулками отдѣланными слоновою костью. Продавались издѣлія изъ серебра очень тонкаго и изящнаго рисунка. Были слоны изъ чернаго дерева, кашемирскія шали, кружова, ковры. Но чего особенно много было, такъ это драгоцѣнныхъ камней: я думаю, не одинъ десятокъ индусовъ были ими нагружены. Къ сожалѣнію теперѣ уже не XV или XVI вѣкъ, все, что можно вывезти, вывезено въ Европу, да и индѣйцы перестали быть добродушными Пятницами. Здѣшніе драгоцѣнные камни—чистое стекло. Поэтому, и съ цѣнами происходятъ довольно поспѣшныя перемѣны. Одинъ, напр., запросилъ за камень 33 рупіи (около 20 руб. бум.), и отдалъ за одну. Перстень съ двумя сапфирами и александритомъ продавался за 44 рупіи, и былъ отданъ за три.

Чтобы уже окончательно поразить насъ индѣйскими чудесами, къ намъ на пароходъ прибылъ фокусникъ съ двумя змѣями. Онъ, между прочимъ, у насъ на глазахъ посѣялъ зерно банана и выросилъ изъ него деревцо величиной съ локоть. Только и это индѣйское чудо оказалось поддѣльнымъ: предательскій мѣшокъ, самаго европейскаго образца, слишкомъ краснорѣчиво показывалъ, откуда выросло это дерево. Скоро однако ударили къ завтраку и магъ долженъ былъ уйти.

Послѣ завтрака мы съ рѣдкимъ удовольствіемъ сошли въ шлюпку (а не лодку, какъ я говорилъ до сихъ поръ), и отправились на берегъ. Въ головѣ трудно было разобратъ. Столько здѣсь было новаго: и пальмы, и индусы, и давно невиданный берегъ, самый воздухъ, чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ болѣе становился какимъ-то особеннымъ, пропитанъ былъ какимъ-то прянымъ, нѣсколько одуряющимъ запахомъ (это, какъ оказалось потомъ, былъ запахъ кокоса, въ концѣ концовъ очень непріятный).

Съ большимъ наслажденіемъ вступили мы на красную землю Коломбо. Собирались ходить безъ конца. Но тутъ опять испытаніе. Не успѣли мы хорошенько выдти на берегъ, какъ на насъ бросилась цѣлая ватага гидовъ и нищихъ, и еще кого-то. Всѣ они кричали, приставали, чуть не рвали насъ на части. „Русскій, русскій, давай“. Это „давай“ такъ пришлось имъ по вкусу, что потомъ нигдѣ

отъ него проходу не было. Удивительное дѣло, почему это только русскій долженъ и можетъ „давать“, остальные же всѣ деруть съ индусовъ же? Конечно, избаловали народъ сами же русскіе. Впрочемъ, черта эта немного безпокойная, но болѣе симпатичная, чѣмъ то диктаторство, съ какимъ обычно относятся къ индусамъ, китайцамъ и пр. наци европейцы. По крайней мѣрѣ, видишь, что это люди, и относятся къ людямъ по людски.

Не смотря на эту философію, намъ приходилось очень плохо среди терзавшей насъ толпы гидовъ и лодочниковъ. По англійски изъ насъ никто не зналъ, а здѣсь, кажется, только этотъ языкъ и понимается.

Въ нашемъ несчастномъ положеніи помогъ намъ какой-то господинъ, должно быть сжалившійся надъ нами. Онъ былъ въ пробковой тропической каскѣ, одѣтъ весьма прилично. Подошедши къ намъ, заговорилъ по англійски. Мы только улыбались и раскланивались. Тогда онъ перешолъ на французскій языкъ. У насъ нашлись знатоки. Этотъ господинъ былъ французъ. Онъ взялся проводить насъ по городу и показать все, что можно было видѣть въ англійскомъ городѣ въ воскресенье. Благодаря его, отправились.

Все, конечно, было заперто. Англичанъ не было видно: они сидѣли по домамъ. По улицамъ проходили одни индусы, да и тѣхъ въ этой части города было не особенно много. Улицы казались пустынными. Но какая пролестъ здѣшнее шоссе. Должно быть грунтъ очень хорошъ. Идешь точно по полу. Только красная земля со своей пылью убійственна для бѣлыхъ тропическихъ костюмовъ.

Мы наняли двухъ извозчиковъ и отправились по городу. Городъ, не считая его торговой части, представляетъ изъ себя сплошной тропическій садъ. Всюду пальмы, бананы; кое-гдѣ изъ подъ куста выгянетъ лачужка индуса. Она и низка, и грязна, и примитивна, по своей конструкціи. Сами обитатели сидятъ на порогѣ, или около. Изъ открытой и едва ли закрывающейся двери валить дымъ. Очень неуютно и неопратно. Жилища европейцевъ-англичанъ тоже прячутся въ садахъ. На улицу по большей части выходятъ одни лишь ворота. Сквозь рѣшетку виденъ дворъ, на немъ пальмы вѣрообразныя, цвѣты. У нихъ очень хорошо все устроено, не такъ, какъ у кормителей ихъ-- индусовъ.

Въ Коломбо показываютъ какой-то буддйскій храмъ, но намъ тамъ побывать не пришлось. Впрочемъ, быть въ первый разъ въ Индіи и осмотрѣть все невозможно: вполне достаточно познакомиться съ общимъ видомъ тамошней жизни и природы. Тамъ уже на самомъ дѣлѣ все новос, начиная отъ людей и кончая самой ничтожной подробностью ихъ жизненной обстановки. Не нужно ходить по музеямъ и ботаническимъ садамъ, достаточно пройти по улицѣ, для новоприбывшаго это лучше всякаго музея.

Въ Коломбо я первый разъ испыталъ японскую ѣзду на людяхъ. Небольшая колясочка для одного, о двухъ колесахъ. Возница берется за оглобли и мчитъ васъ не хуже лошади. На первый разъ это нѣсколько стѣсняетъ: какъ-то неловко ѣхать на такомъ же человѣкѣ, какъ и самъ. Но потомъ разсудишь, что и на лодкахъ тоже ручной трудъ, тоже человѣкъ замѣняетъ машину, а извозчику—заработокъ.

Возвратившись на пароходъ, мы узнали пріятную новость: пароходъ будетъ стоять до вторника. Представлялась возможность цѣлый день посвятить на обзоръ Цейлона. Составилась компанія ѣхать въ Кэнди, прекрасный горный городъ верстъ около ста по желѣзной дорогѣ внутрь Цейлона. Я съ готовностью присоединился къ этой компаніи.

На слѣдующій день, 10 числа въ понедѣльникъ, насъ разбудили пораньше. Насъ было человѣкъ шесть. Ъхаль съ нами и гидъ, говорившій по русски. Въ 7 съ пол. часовъ поѣздъ вышелъ изъ Коломбо. Мы тотчасъ же очутились точно въ картинной галлерей: такъ роскошны и разнообразны виды по этой дорогѣ въ Кэнди. Путь пролегалъ сначала по пальмовому лѣсу съ его прянымъ запахомъ, попадались изрѣдка рисовыя поля, изрѣдка деревеньки. Потомъ пошли горы, одна другой выше, одна другой живописнѣе. Нашъ поѣздъ все поднимался и поднимался, проходя сквозъ туннели и взбираясь по узенькимъ карнизамъ на неимоверную высоту. Ъдешь,—справа стѣна, слѣва глубокая долина, на ней поля, лѣса, рѣчки, деревеньки,—цѣлая панорама. Кругомъ тоже все горы и горы, покрытыя тропически роскошной растительностью. Удивительно, какъ щедра здѣсь природа. Всюду, гдѣ только есть хоть капелка влаги, растительность глушитъ все своимъ обиліемъ, даже излишествомъ. Растетъ пальма. Изъ подъ са-

мыхъ корней ея тянутся еще нѣсколько породъ большихъ и малыхъ, съ цвѣтами и безъ цвѣтовъ, а подъ ними въ самой глуши, едва имѣя мѣсто для себя, чуть-чуть пробивается на свѣтъ трава, тоже роскошная, обильная до излишества. Но и этого мало тропической природѣ, она и воздухъ хочетъ отвоевать себѣ: вся эта куча зелени заплетается какимъ-нибудь плющемъ, который взбирается по стволу пальмы, цѣпляется по вѣтвямъ и зелени выросшихъ изъ-подъ нея деревъ, стелется по травѣ, покрываетъ собою все, точно боясь показать солнцу хоть кусочекъ незанятой земли. Удивительная роскошь, удивительная производительность! Не даромъ постройки людскія какъ бы пропадаютъ среди лѣса, тонуть въ его изобилии: развѣ можетъ ничтожный, слабый человекъ сравниться съ этой всепобѣждающей силой жизни? Что онъ ей противопоставить? Не даромъ погрузиться въ эту природу, пропасть въ ней составляло жизненную цѣль браминовъ. Среди индѣйской природы легко понять свое ничтожество, легко представить себя лишь ничтожной вѣточкой среди безграничнаго, роскошнаго, переполненнаго жизнью лѣса. Здѣсь пропадаешь, ступаешь ваяешься до нуля.

Что такое здѣшнія рисовыя поля? Они тоже представляютъ примѣръ изобилія, роскоши. У насъ чуть-чуть взбоярздать поверхность земли, едва спрячуть зерна, дождь-слегка оросить ихъ. Все какъ-то въ мѣру, съ расчетомъ, почти скупо и скудно. Здѣсь же все съ изишкомъ. Поля ничто иное, какъ искусственныя болота. Посредствомъ небольшихъ плотинъ или земляныхъ стѣнокъ, ихъ устраиваютъ въ долинахъ или по склонамъ горъ въ видѣ террасъ. Получается что-то въ родѣ обширнаго ящика, въ который и напускается вода. Пашутъ, поэтому, здѣсь почти въ водѣ: буйволы буквально уходятъ въ грязь по шею. За то и урожай не таковъ, какъ у насъ. Природа здѣсь расточительна, но и щедра.

По горнымъ скатамъ довольно часто встрѣчались чайныя плантаціи, изъ рѣдка кофейныя. Это уже дѣло англичанъ, конкурирующихъ съ Китаемъ.

Поѣздъ нашъ все взбирался и взбирался. Становилось прохладно, деревья перемѣнились. Пальмы пропали. Природа приняла болѣе привычный для насъ видъ. Но это не

на долго: на утесѣ около дороги замѣтили мы какой-то памятникъ. Это англичане хотѣли увѣковѣчить память строителя желѣзной дороги въ Кэнди. Дѣйствительно, заслужилъ онъ общее признаніе за свою дорогу. Сколько трудовъ потребовала она. Какія горы пришлось просверлить. Мы тоже отъ души были ему благодарны за то, что и намъ удалось благодаря дорогѣ такъ близко быть къ Индіи, купаться въ изумительной роскоши ея природы.

Отъ памятника начался спускъ. Поѣздъ затормозили. Дорога замѣтно пошла внизъ. Это, впрочемъ, недолго. Кэнди было уже близко. Еще нѣсколько времени, и мы выходимъ изъ вагона, совершенно пораженные, переполненные вѣсѣмъ видѣннымъ на дорогѣ. Точно выходишь съ какой-нибудь богатой картинной галлерей или еще лучше, съ панорамы. Такъ все видѣнное было разнообразно, такъ роскошно, живописно.

Въ самомъ Кэнди, послѣ всего уже видѣннаго, особеннаго ничего нѣтъ. Тамъ показывали намъ буддійскій храмъ, и въ немъ гробницу съ останками будды. Такъ по крайней мѣрѣ рассказывалъ намъ нашъ гидъ. Я, впрочемъ, не особенно увлекся этимъ новымъ зрѣлищемъ: ожидалъ больше увидеть въ Японіи, кстати тогда и языкъ буду знать, не придется обращаться за помощью къ гиду, который, какъ всякій гидъ, непременно наскажетъ массу небылицъ. Были мы и въ ботаническомъ саду, въ которомъ собранъ цвѣтъ здѣшней и безъ того роскошной природы. Но это уже было для насъ положительнo слишкомъ много. Мы не могли еще придти въ себя и отъ обыденной тропической растительности, а тутъ показываютъ ея рѣдкости. Это было не подъ силу нашей воспримчивости. Въ садъ этотъ пускаютъ охотно. Одинъ изъ садовниковъ такъ даже разщедрился, что подарилъ одному изъ нашихъ спутниковъ плодъ шоколаднаго дерева. Рѣдкость для насъ большая.

Въ 2 часа пополудни, мы оставили Кэнди. Опять пронеслись предъ нашими глазами очаровательныя окрестности. Но вниманіе наше утомилось (одинъ изъ спутниковъ отъ избытка чувствъ даже прямо уснулъ, смотря въ окно). Да и постоянная роскошь дѣталась приторной. Хотѣлось чего-нибудь покислѣе, погрубѣе, чего-нибудь въ родѣ нашего квасу или чернаго хлѣба. Здѣсь ужъ слишкомъ все было

жирно, сладко, сдобно. Мы вспоминали здѣсь нашу березку. Куда скромнѣе она, какъ-то цѣломудреннѣе и здоровѣе здѣшней распустившейся, намащенной, одуряющей своимъ благоуханіемъ, разряженной природы. Конечно, это поражаетъ. Но она слишкомъ роскошна чтобы ее полюбить, чтобы успокоиться среди нея. Она душитъ, а не успокоиваетъ. Вспомнилось мнѣ описаніе здѣшней природы у Гончарова. Дѣйствительно, правъ былъ писатель, говоря, что тропическая природа сначала нравится, а потомъ становится приторной. Да и фрукты здѣшнія хороши только, пока они рѣдкость, привыкнешь къ нимъ, и тогда всё эти бананы, ананасы и пр. не дадутъ вамъ забыть нашего яблока. Гдѣ имъ до него? Не сравниются никогда.

Въ шесть съ половиной часовъ вечера мы были уже на Костромѣ. Приятно было отдохнуть на ея знакомой, почти родной палубѣ отъ всей массы впечатлѣній, которыя такъ неудержимо со всѣхъ сторонъ лились на насъ въ продолженіе цѣлаго дня.

Была ночь. Тьма здѣсь кажется еще гуще, чѣмъ у насъ, точно черный покровъ спускается на все. Тьма непроглядная. Вся жизнь замираетъ, смолкаетъ. И среди этой молчащей тьмы вдругъ точно звѣзда загорается совсѣмъ низко надъ землей. Вотъ она какъ-то колеблясь движется, какъ-то неправильно пронесится по черной ночи. Вотъ еще и еще звѣзда. Это свѣтящіеся жуки. Удивительно ярко горятъ здѣсь ихъ маленькіе фонарики. Отъ нихъ ночь кажется еще гуще, еще непрогляднѣе, и таинственнѣе. Она уже больше не спитъ, вы чувствуете, что подъ этимъ непроницаемымъ покровомъ жизнь продолжаетъ кипѣть, что около васъ во мракѣ ночи движутся, можетъ быть, миллионы существъ, продолжая свой дневной трудъ и дневную борьбу за существованіе. Вы еще болѣе вдумываетесь въ молчащую, но не мертвую тьму, въ сокрытую отъ васъ безконечную и непрерывную жизнь. Вамъ слышится таинственное: „омъ“. Снова предъ мысленнымъ взоромъ проносятся брамины, подавленные природой, стремящіеся слиться съ ней.

На слѣдующій день, мы вдвоемъ опять были на берегу, на этотъ разъ уже безъ всякихъ гидовъ. Хотѣлось походить еще разъ по землѣ и присмотрѣться безъ постороннихъ надобдливыхъ и ничего необъясняющихъ указаній къ

здѣшной будничной жизни и народу. Солнце палило въ упоръ. Но жаръ здѣшній переносится гораздо легче нашего. У насъ жарко, душно, здѣсь же вы чувствуете на себѣ прямо огненные лучи солнца, которые жгутъ васъ не удущая. Становится даже нѣсколько пріятно это жжение, нужно только, чтобы голова была получше защищена, иначе можно получить солнечный ударъ. Индійцы обязательно покрываютъ голову чѣмъ-нибудь бѣлымъ, когда купаются. Интересно видѣть громадную бѣлую чалму плавающую на поверхности какого-нибудь пруда, или лучше сказать, болота. Здѣсь всѣ пруды почему-то смотрять нечистыми, страшно смотрѣть на купающихся въ этой мутной жидкости и безъ того черныхъ людей.

По вѣрѣ индусы принадлежать должно быть ко всякимъ вѣроисповѣданіямъ. Одинъ гидъ имѣлъ на шеѣ крестъ и называлъ себя католикомъ. Католическаго патера-индуса мы видѣли на одной изъ станцій желѣзной дороги. Совсѣмъ патерьъ: и шляпа низкая, черная съ немного загнутыми къверху полями, и ряса черная, и бритая фізіономія, и молитвенникъ въ рукѣ. Однимъ словомъ все до послѣдней подробности католическое, только цвѣтъ кожи немного выдаетъ.

Припало глубоко пожалѣть, что мы еще не доросли до того, чтобы имѣть здѣсь свою миссію, мы все еще замыкаемся въ рамки узкаго націонализма. Заботимся только о своихъ, позабывая, что Господь пришелъ для всѣхъ безъ различія и послалъ апостоловъ ко всѣмъ народамъ земного шара. Чѣмъ наши достойнѣе, напр., хотя бы этихъ индусовъ? Скажутъ, что у насъ народа нѣтъ. Совершенная неправда. Было бы только желаніе, народъ т. е. церковные дѣятели на нивѣ Господней всегда найдутся. Вѣдь, идутъ же изъ Духовныхъ Академій во всевозможныя вѣдомства. Нашли же необходимымъ сократить штаты Академій. Очевидно, мы страдаемъ не недостаткомъ народа, а избыткомъ его, перепроизводствомъ. Отчего бы не отдѣлить сюда хоть двоихъ? Эти двое, можетъ быть, успѣли бы что-нибудь начать, можетъ быть успѣли бы образовать продолжателей изъ самихъ индусовъ, какъ напр. теперъ въ Японіи. Скажутъ, у насъ средствъ нѣтъ. Правда, мы бѣднѣе какихъ-нибудь американцевъ. Но пусть и миссія наша начинается съ ма-

лаго. Богъ поможетъ, потомъ дойдемъ и до большаго. Вѣдь, тратится же у насъ миллионъ рублей, по самому минимальному счисленію, на одни церковныя облаченія. Вотъ, хоть бы одну сотую или нѣсколько сотыхъ изъ этой суммы отдѣлить сюда. Этого бы на первый разъ было больше, чѣмъ достаточно. Нѣтъ, должно быть, не скудость средствъ и людей тутъ причиной, а холодность къ вѣрѣ, привязанность только къ личному благополучію. Да, еще много много нужно намъ жить и дѣлать, чтобы вырасти до православной миссіи (не католической и протестантской, — Боже, сохрани отъ этого).

Въ пять съ половиной часовъ вечера мы снялись съ якоря и пошли въ открытое море, на просторъ, на свѣжій воздухъ. Пряный запахъ кокоса становился положительно противнымъ. На грѣхъ еще мы отдали здѣсь мыть бѣлье, которое тоже насквозь продушилось этимъ запахомъ. Такъ всю дорогу и пришлось страдать, переносить тысячу разъ коломбскую стоянку.

15 Сентября. Малакскій проливъ.

Качка вчера дошла до высшей степени. Передъ входомъ въ Малакскій проливъ концентрируется мусонъ и мусонная зыбь. Оттого волненіе здѣсь сильное и какое-то неопредѣленное, мотааетъ немилосердно. Впрочемъ, мы всё попривыкли. Даже и ходить выучились во время качки. Балансируешь себя по палубѣ, то на одну ногу припадешь, то на другую. Довольно занимательно, если бы не было такъ назойливо и долго.

Вчера около 10 часовъ вечера вошли въ Малакскій проливъ, зыбь уничтожилась и наша „Кострома“ идетъ совершенно ровно, какъ въ Красномъ морѣ. Боимся только, не была бы и жара такая же, какъ тамъ. Покуда ничего, дышать можно свободно.

Нашъ маршрутъ нѣсколько измѣнился. Изъ Коломбо мы взяли грузъ до Пенанга (маленькій островокъ у береговъ Малакки, что-то около 5 градусовъ сѣв. широты). Оттого мы и простояли лишній день въ Коломбо. Прежде Сингапура теперь нужно зайти въ Пенангъ, который на-

зывается „раемъ востока“ по роскоши своей растительности, по красотѣ мѣстности и по своему здоровому климату.

Но что будетъ дальше Сингапура, теперь трудно и сказать. Я даже и не знаю, какъ я попаду въ Японію: въ Нагасаки—холера, заходить туда, слѣдовательно, нельзя. Но, съ другой стороны, и въ Владивостокѣ холера. Если Кострома туда зайдетъ, тогда ее не пустять ни въ одинъ портъ, да и чрезъ каналъ не проведутъ. Придется отсиживать гдѣ-нибудь карантинъ. Какъ мы распутаемъ этотъ Гордіевъ узелъ, еще не знаемъ. Можно бы мнѣ оставить Кострому гдѣ-нибудь, не доѣзжая Японіи, но нельзя оставить переселенцевъ, провожать которыхъ до Владивостока мнѣ поручили. Посмотримъ, впрочемъ, можетъ быть къ тому времени все какъ-нибудь устроится.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.
